

СОВЕТСКИЙ СПОРТ

27 НОЯ 1971

СЕГОДНЯ гость нашего клуба — народный артист Грузии, популярный спортивный телекомментатор Котэ Махарадзе. Вступительная часть на этом заканчивается: Котэ Махарадзе, что называется, мастер разговорного жанра, пусть он и приступает поскорее к делу.

— **Вы человек двух профессий — актер и комментатор. Не раскроете ли секрет: какое занятие считаете для себя основным?**

— Если быть точным, у меня не две профессии, а больше. Я бы сказал — четыре с половиной.

Начну с половинки. Как ни странно (и для меня тоже!), все началось с балета. Я учился в Тбилисской хореографической студии и в десять лет исполнил главную партию в «Щелкунчике», а в дипломном спектакле исполнил две основные роли в «Юпелии». Между прочим, «Щелкунчиком» дирижировал великий грузинский дирижер Евгений Микеладзе. Однажды он похлопал меня по плечу и сказал нечто обнадеживающее по поводу моих перспектив в балете. Но ошибочными бывают не только спортивные прогнозы. Когда я закончил студию, мне было пятнадцать лет — до поступ-

ления в труппу надо было ждать три года. За это время меня переманила к себе драма.

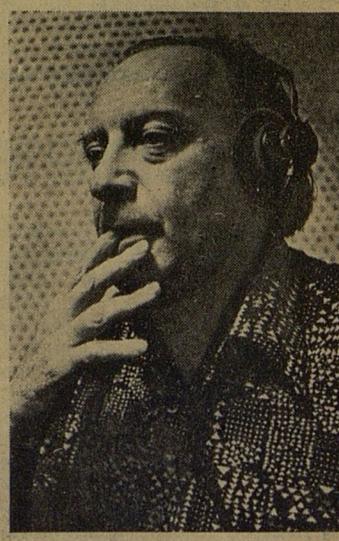
В 1944 году я сдал на отлично экзамены в Тбилисский театральный институт (к стыду своему должен признаться, что я всегда был отличником, а из таких людей ничего путного часто не получается: на отлично закончил балетную студию, среднюю школу да и театральный институт).

Театр — самое большое счастье моей жизни. За двадцать девять лет — сначала в театре имени Руставели, а потом в театре имени Марджанишвили я сыграл более ста ролей. Последняя моя работа — барон Мюнхгаузен в одноименной пьесе Горина.

— **И... вы успели глубоко вжиться в эту роль?**

— Пожалуй, да. Но не пугайтесь — это не отразится на моем рассказе...

Не могу умолчать об особой радости, которую принесла мне актерская судьба — работать вместе с выдающимися мастерами сцены Верико Анджапаридзе, Акакием Хорава, Серго Закариадзе, Васо Годзиашвили, Акакием Васадзе и другими. А в институте я играл в спектаклях, поставленных Геор-

«МАХАРЭ» — ПРИНЕСИ

гием Александровичем Товстоноговым...

— **Простите, но пока мы обсудили всего полторы ваши профессии...**

— Пора переходить к другим? Видите, мне совсем как Мюнхгаузену, уже трудно оставаться. Итак, прежде всего я актер, на том стою, тем горжусь. Я и у микрофона актер. Любой репортаж стараюсь сделать в хорошем смысле театральным, чтобы происходящее на экране стало для зрителя увлекатель-

ным зрелищем.

В юности я обнаружил литературные задатки. Писал стихи, печатался в толстых журналах, собирался даже поступать в Литературный институт имени Горького. Очень любил Маяковского и перевел на грузинский весь цикл стихов об Америке.

В грузинских театрах шли мои инсценировки нескольких произведений, а пьеса «Два рекорда» — на спортивную тему! — была переведена на русский язык. Недавно

я закончил сценарий художественного фильма, где прототипом главного героя является двукратный олимпийский чемпион борец Леван Тедашвили.

А еще я работал режиссером на Грузинском телевидении. Поставил полнометражный фильм, который шел на телеэкранах многих стран — «Чародей танца Вахтанг Чабукиани». Как режиссер и автор сценариев делал передачи и о спортсменах — Метревели, Яманидзе, Руруа и других.

— **Поскольку мы уже подошли к особо интересующей наших читателей четвертой профессии, не расскажете ли вы о своих пристрастиях в спорте?**

Хотя мне приходилось вести репортажи с соревнований по многим видам спорта, меня считают преимущественно футбольным комментатором. А между тем лучше всего я знаю баскетбол.

Я был капитаном юношеской сборной Грузии, победившей в 1943 году во всесоюзных соревнованиях, несколько лет

играл в команде мастеров, имею серебряную и бронзовую медали чемпионата страны. Начал карьеру комментатора именно с баскетбольного матча. И сейчас особенно люблю вести репортажи с соревнований по баскетболу, а также, конечно, футболу и, кроме того, всем видам борьбы.

— **Муза театра Мельпόμεна, как известно, ревнива...**

— Да, примирить ее с моей любовью к спорту, было совсем не просто. Три раза художественный совет театра имени Руставели обсуждал вопрос: подобает ли ведущему актеру труппы вести спортивные репортажи? В конце концов Серго Закариадзе поставил вопрос ребром: или — или. И тогда я сказал: я веду передачи на литературном, чистом грузинском языке — разве не в этом одна из важных миссий актера? Этим убедил.

— **А в чем вы видите свою миссию как комментатора?**

Спорт должен служить воспитанию добрых чувств. По-

этому, комментируя соревнования, стараюсь подмечать все то, что можно выразить словом «человечность». Между прочим, не понимаю выражения «друзья-соперники» (хотя, увы, и сам иногда так говорю). Для меня в слове «соперники» заключено и понятие дружбы. В спортивном соперничестве вражды нет.

— **Вот вы сказали «человечность». А как это очень объемное понятие сопрягается со спортивными коллизиями?**

— Припоминаете недавний эпизод в матче тбилисского «Динамо» с миланским «Интернационале»? Когда Кипиани отнял мяч у Факкетти и забил гол? Ведь Факкетти почти догнал Кипиани и мог сбить его с ног, что сделали бы на его месте многие другие. Но ветеран не уронил своего достоинства, не опустился до грубости, хотя его благородство обернулось роковыми последствиями.

После матча итальянские газеты опубликовали заявление Факкетти. Да, я непростительно потерял мяч, и трибу-

ны заслуженно меня освистали, — сказал он. И добавил: — Но какое счастье, что это случилось со мной, а не с кем-либо из молодых футболистов — такая катастрофа могла бы погубить его навсегда.

Очень нравятся мне эти слова. И как спортивному комментатору, и просто как человеку...

Ведя репортаж, стараюсь, чтобы зрители полностью ощутили, какого невероятного напряжения требует от спортсменов борьба. Отношусь к участникам очень почтительно, сочувствую им при неудачах.

Обобщая сказанное, хочу подчеркнуть, что, беря в руки микрофон, стараюсь быть на любых соревнованиях прежде всего добрым вестником. Добрым и по своему предназначению, и по характеру информации, которую несу миллионам телезрителей. Между прочим, «Махарэ» означает по-грузински «принеси добрую весть!..».

— **Но весть, увы, не всегда ведь бывает добрая?**

ДОБРУЮ ВЕСТЬ...

— Да, конечно, спорт есть спорт, и радости перемежаются огорчениями, но если подняться над болельщицкими настроениями (а от них не всегда свободны и тележурналисты), можно при любом исходе соревнования найти нечто, что порадует душу истинного любителя спорта. Ну хотя бы умение красиво проигрывать. А разве нельзя порадоваться, если не за своих спортсменов, то за спорт, за человека вообще, если соперники по достоинству одержали победу?

Не сомневаюсь, что мне поверят, если я признаюсь, что беззаветно люблю футбольную команду тбилисского «Динамо». Но мне очень приятно было узнать мнение рабочего столичного завода «Серп и молот», который заметил, что никак не мог поймать меня на том, что я болею за своих земляков. Скажу больше — я бываю более благожелательным к нашим гостям, чем к хозяевам. Комментатор должен быть очень бдительным: сбиться с правильного тона так легко! По-

этому я сознательно веду репортаж чуть-чуть «необъективно» — с некоторым запасом «гостеприимных» эмоций.

— **А как относятся к этому тбилисские любители спорта?**

— В целом, насколько могу судить, добрительно. И я горжусь этим. Потому что наши болельщики очень ревниво следят за оценкой выступлений спортсменов республики.

Был у меня двенадцать лет назад занятый случай. Кончил я вести репортаж с тбилисского стадиона, спешу в театр, хватаю такси. Седой таксист, не повернув головы, вдруг спрашивает: «Помните, как царь Ираклий распорядился с предателями?» «Помню, — говорю, — бросал их в яму». «Попали бы вы к Ираклию — он в яму бы вас!» «Это за что же?» — ошеломленно восклицаю я. «Вы сказали, что Метревели пять раз пробил одиннадцатиметровый в правый нижний угол. А ведь вас слушают все вратари Советского

Союза!»

Некоторое время спустя лежу я дома больной, смотрю по телевидению игру наших футболистов в Одессе с «Черноморцем». Метревели снова пробил пенальти в правый нижний угол, и Городенко, надо же, парировал удар! Через минуту телефонный звонок. Ледяной голос: «Это я. Ну так что, сидели бы вы в яме у Ираклия?». «Сидели бы», — отвечаю удрученно...

— **Случалось ли вам испытывать творческую зависть к кому-либо из ваших коллег, желание чему-то подражать?**

— Подражать — нет, подражание для актера смерть. Но, конечно, на первых порах у мноному учился, в первую очередь у незабвенного Вадима Синявского. До сих пор у меня звучит в ушах: «Гей, готовьте розы для Михаила Месхи!» — это когда Месхи блистательно сыграл в одном из матчей за рубежом. А как Синявский начал в 1940 году репортаж с матча двух московских команд? «Внимание, говорит Москва! У меня хорошее настро-

ение: счет 2:0 в пользу динамовцев!» Кто из нас посмеет сейчас так сказать?

Конечно, комментатор не должен быть пристрастным. Но Синявский и не был пристрастным, он вел репортажи абсолютно достойно, объективно. Но и беспристрастным тоже не был никогда.

Что же касается зависти, то да, дважды я ее испытывал, не стыжусь в этом признаться. Как-то раз Владимир Маслаченко вел репортаж футбольного матча, и, когда назначили одиннадцатиметровый, он сказал: «Попытаюсь угадать направление удара». И угадал! Я позавидовал. И смелости комментатора, и его тонкому пониманию футбола.

Второй раз это было в Мехико, когда вел репортаж мексиканец Фернандес. Он ничего не комментировал, только называл игроков, завладевавших мячом, но тон, каким он протяжно тянул фамилии футболистов, создавал богатейший эмоциональный фон репортажа. Фернандес переживал сам, переживал

вместе с вами, переживал за вас — его хватало на все! Вот это был действительно актер! Конечно, я не сторонник такой манеры, Фернандес, что называется, на любителя, но лично мне он раскрыл неведомые до того эмоциональные резервы телерепортажа.

— **А какое качество в комментаторе вы цените выше всего?**

— Пожалуй, искренность... Да, искренность! И зритель, кстати говоря, хочет прежде всего услышать личное, если хотите, субъективное мнение комментатора. Вот почему я, всячески стремясь к объективности, стараюсь в то же время оставаться субъективным. Такой вот парадокс.

Когда меня на Олимпиаде в Мюнхене попросили вдруг вести репортажи с соревнований по боксу, я сначала загрузил: в этом виде спорта я, мягко говоря, не эксперт. И я избрал самый верный, как мне кажется, путь: не стал строить из себя знатока, а сразу дал зрителю понять — мое преимущество только в том, что я нахожусь непосредственно в зале. Если комментатор сталкивается с чем-то сложным, не надо напускать на себя важный вид. Зритель простит искрен-

ное признание в любом прегрешении, но фальши не простит никогда.

— **Многих, насколько мне известно, раздражает, когда комментатор не анализирует, не оценивает происходящее, а пересказывает то, что телезритель видит сам. И это при том, что в словах «комментатор» и «зритель» функции обеих сторон четко обозначены. Не зря говорится: лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. А в ходе много матча видишь один раз, а слышишь практически одно и то же двадцать, тридцать, сто раз. Этот упрек набил оскомину, а все же приходится его повторять. Почему этот дефект так живуч?**

— Почему? Да главным образом потому, что все мы вышли из радиорепортажа. Со старыми привычками трудно расставаться. Вот недавно я начал репортаж из Одессы словами: «Мы начинаем свой рассказ...» А почему не «свой показ»? Словом, что говорить, телекомментаторам надо искать новые формы, свой, телевизионный стиль.

— **Коли уж речь зашла о негативных моментах в теле-репортаже, не поделитесь ли вы соображениями и на этот счет?**

— Что ж, извольте. Но — совершенно честно — в порядке не только критики, а и самокритики. Я досконально знаю трудности комментаторского ремесла, сам далеко не безгрешен и меньше всего хотел бы рядиться в тогу строгого критика. Но искренность так искренность!

Начну с того, что комментатор — это друг, задушевный собеседник телезрителя. Поэтому и тон его должен быть дружеским, доверительным. Риторика, поучений, тем паче трескучих фраз телезрителю не приемлет. А мы в большей или в меньшей степени все еще страдаем этим.

Нередко репортаж бывает не в меру многословным. Зрителям надо доверять, в большинстве своем они ведь и сами во всем прекрасно разбираются, так нужно ли разжевывать каждую спортивную ситуацию, тем более простую? Литераторы призывают к бережному отношению к слову — нам надо следовать их примеру. Пусть и в спортивном репортаже словам будет тесно, а мыслям просторно.

Поскольку речь зашла о слове, не могу не высказать огорчения по поводу засоренности репортажей приевши-

мися штампами типа: «динамовцы (армейцы, спартаковцы) атакуют всей командой», «судья посматривает на секундомер», «судья ближе — ему виднее», «команды обменялись голами» и т. д. и т. п.

Кстати, из-за этих штампов трудно порой отличить одного комментатора от другого. А значит, ни о какой личной точке зрения, ни о каком самовыражении комментатора не может быть и речи. А ведь кем бы ни был комментатор — профессиональным репортером, актером, спортсменом, — он прежде всего и непременно должен быть личностью.

Впрочем, бесспорно, что с каждым годом профессиональное мастерство представителей нашего цеха все же неуклонно растет. И я верю: настанет день, когда кто-нибудь из моих коллег, а может быть, и я сам, вдруг возьмет да и произнесет в микрофон что-нибудь вроде: «Готовьте розы для Давида Кипиани!» — да простится мне, что в этом заключительном пассаже я, злоупотребив положением гостя, назвал своего любимого футболиста.

Беседу вел Вик. ВАСИЛЬЕВ.